

Запад как феномен культуры в социальной философии А.А.Зиновьева¹

Аннотация статьи. А.А. Зиновьев обрел мировое признание критической аналитикой «реального коммунизма». Заслуженно присужденная ему премия Алексиса де Токвиля в мире социальной философии эквивалентна Нобелевской. Но для современности первостепенным значением обладает его концепция Запада как социокультурного феномена, обладающего нередуцируемым своеобразием. Цель исследования — выявление эвристического и прогностического потенциала доктрины А.А. Зиновьева путем соотнесения теоретико-методологического самопозиционирования Зиновьева и его реального места на концептуальной карте современной социальной философии. Восприятие теории Зиновьева требует широкого культурологического и историософского контекста, что предполагает сопоставление формационных и цивилизационных моделей. Хотя сам философ не идентифицировал себя в качестве культуролога, мы полагаем, что фактически он выступал таковым, выстраивая своего рода феноменологию культуры, наподобие Бердяева или Карсавина, которых он, однако, не жаловал. Фактически Зиновьев стал родоначальником одной из версий отечественного альтерглобализма, хотя сам себя так не идентифицировал. Зиновьев анализирует Запад на «клеточном» и макроуровнях. Он вводит понятия «западнизма» и «западоида», разоблачая мифы о моральных преимуществах капитализма и демократии. Демократия — фасадная часть западных обществ, сцена, на которой разыгрываются политические спектакли. Эта форма органична для национальных буржуазных государств Нового времени. В современности она вырождается, а будучи навязанной извне, превращается в «колониальную демократию». Запад после Холодной войны претендует на лидерство в глобализационных процессах движения к «сверхобществу». Зловеще звучит предупреждение Зиновьева о том, что Западу нужна вся планета. К сожалению, предостережения Зиновьева не были услышаны российским обществом, как и в случаях Ф. Достоевского и А. Солженицына.

Ключевые слова: Запад, западнизм, западоид, коммунальность, деловое поведение, колониальная демократия, глобализм и альтерглобализм.

The West as a Cultural Phenomenon in the Social Philosophy of Alexander Zinoviev

Abstract. Alexander Zinoviev has gained worldwide recognition for his critical analysis of «real communism» and was deservedly awarded with the Alexis de Tocqueville Prize, equivalent to

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01735, <https://rscf.ru/project/23-28-01735/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-01735, <https://rscf.ru/project/23-28-01735/>; Russian Christian Academy for Humanities named after F.M. Dostoevsky

the Nobel Prize in the field of social philosophy. But for the present day, Zinoviev's concept of the West as a unique socio-cultural phenomenon is of primary importance. The purpose of the article is to identify the heuristic and prognostic potential of Zinoviev's doctrine by correlating Zinoviev's theoretical and methodological self-positioning and his actual place on the conceptual map of contemporary social philosophy. The perception of Zinoviev's theory requires a broad cultural and historiosophical context. That presupposes a comparison of formational and civilizational models. Although Zinoviev did not identify himself as a cultural studies scholar, we believe that he actually acted as one, building a kind of phenomenology of culture, similar to Berdyaev or Karsavin, whom he, however, did not favor. In fact, Zinoviev became the founder of his own version of alter-globalism. Zinoviev analyzes the West at the "cellular" and macro-levels. He introduces the concepts of *zapadnizm* and *zapadnoid*, exposing the myths about the moral advantages of capitalism and democracy. Democracy is the facade of Western societies, the stage, on which political performances are played out. This form is organic for national bourgeois states of the Modern Age. In modern times, it degenerates, and when imposed from the outside, it turns into "colonialist democracy". After the Cold War, the West claims leadership in the globalization processes, moving towards a "super-society". Zinoviev's warning that the West needs the entire planet sounds ominous. Unfortunately, Zinoviev's warnings were not heard by Russian society, as in the cases of Fyodor Dostoevsky and Alexander Solzhenitsyn.

Key words: West, *zapadnizm*, communality, *zapadnoid*, businesslike behavior, colonial democracy, globalism and alter-globalism.

Сведения об авторах:

Богатырёв Дмитрий Кириллович – д-р филос. наук, проф., ректор; rector@rhga.ru
ORCID: 0000-0002-3264-6506

АНО ВО «Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М.Достоевского»
Российская Федерация, 191023, г. Санкт-Петербург, набережная р. Фонтанки, д. 15.

Поляков Леонид Владимирович – д-р филос. наук, профессор; leopolen@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6413-8661

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Российская Федерация, 101000, Москва, Мясницкая улица, 20.

АНО ВО «Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М.Достоевского»

Information about authors

Bogatyrev Dmitri K. Dr. Sci. in Philosophy, Professor; rector@rhga.ru
ORCID: 0000-0002-3264-6506

ANO Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky
15, Fontanka River Embankment, St. Petersburg, 191023, Russian Federation

Polyakov Leonid V. Dr. Sci. in Philosophy, Professor; leopolen@yandex.ru

В 2022 году на государственном уровне в масштабах всей страны отмечалось столетие со дня рождения А.А. Зиновьева. Во многом этому способствовал указ президента РФ № 564 от 01.10.2021 «О подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию со дня рождения А.А. Зиновьева». Не многие выдающиеся деятели отечественной культуры удостоились такого указа². Из философов — только Зиновьев.

Главной, на наш взгляд, причиной, способствовавшей появлению президентского указа, стала разработанная Зиновьевым концепция «Запада» как своеобразного социокультурного феномена, обладающего исторической самодостаточностью и претендующего на лидерство в процессах глобализации. Зиновьев предложил и блестящий критический анализ советского общества [1], и оказался одним из самых прозорливых авторов в отношении затеянной Горбачевым перестройки. Он предсказал и плоды либеральных реформ. Но Запад — главное.

Начиная, по крайней мере, с мюнхенской речи В.В. Путина, набирает ход размежевание современной России с Западом. Идеи Зиновьева оказались в данном случае как нельзя кстати (хотя, увы, о 200-летию Н.Я. Данилевского, который первым из отечественных мыслителей резко противопоставил Россию и Запад как архетипически несовместимые культурно-исторические типы, забыли — впрочем, региональном уровне это событие было отмечено, см.: [2]). Фактически Зиновьев, хотя сам себя он не идентифицировал в таких терминах, стал родоначальником российской версии альтерглобализма. Данная версия, точнее, их ансамбль, знакома нам благодаря членам Изборского клуба и идейно близких к нему авторов, в числе которых В. Аверьянов, С. Глазьев, А. Дугин, В. Катасонов, А. Фурсов и др. Изборский клуб и Зиновьевский клуб — не тождественные сообщества, но идейные пересечения имеют место. На высшем политическом уровне альтерглобалистская идеология была оформлена разнообразными декларациями о «многополярном мире». В отличие от антиглобалистов, альтерглобалисты не отрицают неизбежности и даже позитивности самой глобализации, но резко негативно относятся к навязыванию англо-американскими элитами культурной гегемонии, построенной на манипулятивном отождествлении глобализации и неолиберального мироустройства. В логике альтерглобализма, глобализация — это объективный процесс,

² Указ Президента РФ от 30 июля 2018 г. N 464 «О праздновании 150-летия со дня рождения И.А. Бунина», Указ Президента Российской Федерации от 22.03.2023 № 182 «О праздновании 100-летия со дня рождения В.П. Астафьева».

имеющий различные причины, важнейшей из которых для современности является сфера высоких, особенно — информационно-коммуникационных технологий. Зиновьев в этой связи говорил о переходе к «сверхобществу».

Глобализмы суть идеологии, претендующие на духовное и, как следствие, организационное лидерство в целеполагании глобализационных процессов. Начиная с классической дефиниции III Нового международного словаря английского языка (1961 г.), понятия глобализма и глобализации фактически уравниваются. В оптике культурной гегемонии англоговорящих народов, когда более знаковыми, нежели первый темнокожий президент США, рупорами следует считать Р. Киплинга [3] и У. Черчилля [4], подлинная цель истории — там, где будущее Запада, возглавляемого англоговорящими народами. Соответственно, лидеры т.н. «автократий» вроде президента Путина или председателя Си (у китайцев, как и индийцев, свои версии альтерглобализма) формируют ложные цели мировой истории, стремление к которым якобы сулит человечеству большие беды. Эта картина подаётся в рамках идеологической парадигмы глобального противостояния «демократии» и «авторитаризма».

Творчество Зиновьева не понять без учета его личной судьбы. Зиновьев — один из ярчайших, хотя и нетипичный представитель эмиграции третьей волны. Он не был диссидентом в классическом значении этого советологического термина. Интересно сравнить его жизненный путь с судьбой А.И.Солженицына. Зиновьев, как и Солженицын, не хотел покидать СССР и вернулся на Родину при первой возможности. Как и Солженицын, он был критиком советского строя, но никогда не был русофобом. Однако в то время, как Солженицын не отказался от своего антикоммунизма, Зиновьев никогда антикоммунистом не был. Солженицын не пересмотрел своих взглядов на историю России и сталинизм, Зиновьев пересмотрел свои воззрения на эпоху Сталина, причем в весьма значительной степени. Солженицын был православным христианином, Зиновьев до смерти оставался атеистом, хотя и написал «Молитву верующего безбожника». Поводом и причиной к переосмыслению не только сталинской эпохи, но и советского цивилизационного проекта в целом для Зиновьева стала жизнь на Западе. Острому уму мыслителя потребовалось немного времени для анализа своего социального и экзистенциального опыта — от высылки в 1978 г. до появления книги «Запад. Феномен западнизма» в 1993 году. Эта книга и станет главным предметом нашего разбора.

Мы предполагаем осветить проблему с трех сторон: предложенная Зиновьевым методология исследования, концепция Запада в единстве ее сильных и слабых сторон, прогнозы и пророчества русского мыслителя. Методология Зиновьева достаточно своеобразна, ее трудно уложить в русло какого-то одного направления. Марксистские корни очевидны, но не всё однозначно. В обществе, согласно Зиновьеву, действуют некоторые объективные законы, которые, однако, реализуются через волю индивидов и социальных групп. Объективизм идет от К. Маркса, О. Конта и Г. Спенсера, но он сильно разбавлен неомарксизмом и постпозитивизмом. Зиновьев совершенно не склонен делать идола из социологии, причем в ее прямом, включающем в себя статистику, измерении, что чрезвычайно распространено в практиках западной социально-политической мысли.

Зиновьев, хотя, несомненно, был осведомлен по части социологических исследований западного общества западной наукой, а может быть, как раз в силу этой осведомленности, выступает критиком социолого-статистического детерминизма и догматизма. Они на Западе не только превращаются в некое «идолопоклонство», но и служат эффективными инструментами манипулирования общественным сознанием. Большинство реципиентов информации не может погрузиться в проблему, как это делают специалисты, поэтому оказывается не в состоянии осуществить процедуру соотнесения единичного, особенного и всеобщего, которую Кант маркировал термином «способность суждения» [5, с. 121].

Такова практика формирования собственного образа и образов своих конкурентов, например, СССР или Китая. «Западная идеология и пропаганда изображали и продолжают изображать коммунистическое общество как средоточие всех мыслимых зол, даже как «империю зла». Бесспорно, это общество обладало недостатками, но оно обладало и достоинствами, которые долгое время служили заразительным примером для многих сотен миллионов людей на планете. На Западе гораздо больший страх вызывали именно эти достоинства, а не ужасы коммунизма. Западу еще только предстоит сражаться за многое такое, что в советской России было реальностью, несмотря на чудовищно неблагоприятные исторические условия» [6, с. 369]. В формировании понятия «демократия» находится совокупность признаков, из которых выбираются нужные, и они объявляются существенными, тогда как неудобные — малозначимыми, для обоснования чего приводится множество таблиц или графиков, а также многочисленные итоги соцопросов. Приводятся разные мнения, что создает наукообразный флёр непредвзятости и демократически модулируемых дискуссий. На самом деле перед нами зачастую та же софистика, которая, в отличие от Древних Афин, снабжена такими инструментами влияния, как авторитет научно-исследовательского института, издательства, СМИ. Создается (причем во многом искусственно, для манипулятивных нужд) ситуация, когда все «знают всё, не понимая

ничего» [6, с. 286]. Современные практики формирования общественного мнения через сетевые платформы только подтверждают эти суждения Зиновьева.

Что он предлагает взамен? Нечто похожее на феноменологическое усмотрение сущности, как это в свое время делали и русские философы (Н.А. Бердяев, Л.П. Карсавин, А.Ф. Лосев), на которых Зиновьев, увы, не ссылается. В свое время Маркс исследовал феномен капитализма, принимая в обзор преимущественно Англию, как наиболее продвинувшуюся в этом направлении. Маркс и жил тогда в Англии. Зиновьев полагает, что наблюдение социальных феноменов, взгляд на них в динамике позволяет усмотреть их сущность, тем более, если наблюдатель находится внутри ситуации. По сути, перед нами разновидность культурологического анализа общества, хотя сам Зиновьев не позиционировал себя в качестве культуролога.

Если всё же считать зиновьевскую концепцию Запада культурологической, то нужно отметить, что она строится на принципиальном различии двух базовых социокультурных типов: собственно «западного» («западнистского») и «коммунистического». Эта дихотомия, в свою очередь, определяется различием роли, которую играют два фундаментальных аспекта человеческой социальности: аспект «деловой» и аспект «коммунальный». Эволюция общества определяется тем, какой аспект становится ведущим. Общесоциологическая схема дополняется А.А. Зиновьевым с помощью культурно-антропологической методологии. В его анализе появляется концепт «человеческий материал», с помощью которого он демонстрирует непреодолимое различие между двумя типами социума.

Очерченная вкратце методология позволяет Зиновьеву сформулировать своеобразную концепцию Запада и западнизма. Для уяснения ее специфики необходимо обозначить историософско-культурологический контекст. Тема Запада как своеобразного «культурно-исторического типа», формы цивилизационной организации, геокультурного проекта исследовалась многими авторами, причем в рамках как формационных, так и цивилизационных моделей истории. В формационных историософиях Запад оказывается вершиной мирового развития в силу объективно действующих законов развития. Таковы доктрины Г.В.Ф. Гегеля, К. Маркса, О. Конта, Г. Спенсера, у которых выросли многочисленные и весьма влиятельные последователи, как прямые, так и не прямые, вроде адептов мир-системного анализа. В XX и XXI вв. в рамках этих направлений были предложены и свои трактовки и варианты глобализации. В цивилизационных историософиях картины мирового развития выглядят сложнее. Если Н.Я. Данилевский [7] или О. Шпенглер [8] вообще отрицают мировую историю как нечто логически цельное, то А. Тойнби [9] или С. Хантингтон [10] пытаются совместить наличие локальных цивилизаций, обладающих

нередуцируемым своеобразием, с идеей всемирной истории, схематика которой усложняется по сравнению с линейными моделями.

Доктрину Зиновьева сложно отнести однозначно к линейно-формационным или цивилизационным моделям. Не принимая первый подход, он, похоже, готов признать научную валидность второго: «Убеждение, будто различные социальные системы суть ступени в развитии одного и того же абстрактного «человечества» и будто любой народ может пройти эти ступени в своей эволюции, ложно фактически и с научной точки зрения. Западную цивилизацию создавали народы с определённым характером. Это их уникальное и неповторимое творчество. Это входит в их натуру, в их характер» [6, с. 49].

Важный посыл Зиновьева в тематизации феномена Запада заключается в том, что Запад — вовсе не то или не совсем то, чем он хочет казаться. Многие его адепты и идеологи выделяют в качестве сущностных и системообразующих два аспекта — капитализм и демократия. Зиновьев подвергает критической аналитике и первое, и второе. Сразу заметим, что критика так называемой демократии у Зиновьева убедительнее. Однако главное в том, что и капитализм, и демократия — суть признаки, может быть, даже важные, но не самые сущностные. Прафеномены, воспользуемся термином О. Шпенглера, залегают глубже. Шпенглер определяет прафеномен западной цивилизации как «фаустовскую душу». Взгляд Зиновьева более приземленный: между социальной психологией и культурной антропологией.

Антропологический тип западного человека отличается, согласно Зиновьеву, от всех остальных, в том числе, несомненно, и от Homo Soveticus, главным материалом для формирования которого стал русский народ. Западный человек в своем антропологическом ядре является эмоционально черствым и расчетливым. Об этом оставили свидетельства как классики русской литературы, так и «аборигены» западной — Ч. Диккенс, О. Бальзак, Л. Фейхтвангер, Т. Драйзер. Он умен: нет спору, что современную науку и технику сотворили по преимуществу западные народы, а все остальные, не исключая и русских, оказались втянуты в этот процесс (начиная с Петра Великого, которого надо признать в отечественной истории западником №1). Если некоторые народы (Востока, например) хитры, но не отличаются стратегическим мышлением, то западные люди в своем антропологическом ядре умеют сочетать эти признаки. Западный человек целеустремлен, его отличает «чувство превосходства над другими народами, более сильная, чем у других народов, склонность управлять другими, способность к самодисциплине и самоорганизации» [6, с. 47].

Запад — это цивилизация умных и расчётливых хищников. Его народы не только бесконечно воевали друг с другом, проявляя порой чудеса жестокости, в которой так любят обвинять индейцев, африканцев, китайцев и, разумеется, русских московито-монголов, но и

создали псевдонаучную теорию расизма, послужившую оправданием колонизации целых континентов. Воплощение в жизнь этой теории в Северной Америке сопровождалось массовым геноцидом местного населения. Расизм, сводящийся к геноциду — неотъемлемая часть практики фашистских государств XX века. Ограбление колоний стало одним из ключевых факторов современного благосостояния Запада, превратившего его в т. н. «первый мир».

Зиновьев, в отличие от позитивистов и утилитаристов, не редуцирует общество к сумме индивидов. Для него микроуровень социума — это тот первичный коллектив, в котором отдельный человек реализует себя в качестве члена общества. На этом уровне различие между обществами коммунизма и западнизма проявляется весьма наглядно. В первом доминирует коммунальность, поглощающая индивида и превращающая само дело, ради которого коллектив существует, в некую вторичную задачу. Во втором — деловой аспект, который требует от человека, полной сосредоточенности на решении задач, ради которых данный коллектив сошёлся в рамках конкретного бизнеса. При этом остальное жизненное содержание вынесено «за скобки», и никакие личные обстоятельства не должны мешать выполнению «дела».

Опыт проживания в обществе доминирующей коммунальности Зиновьев описал в своём первом романе «Зияющие высоты». Опыт существования в деловых коллективах Запада он также пережил лично, так что сравнительный анализ микроуровней у него вполне экзистенциален. Как и общий вывод относительно Перестройки, который Зиновьев сделал ещё до того, как этот процесс завершился распадом СССР. В дальнейшем он яростно отстаивал версию «предательства» советских элит, целенаправленно уничтоживших первое в мире государство рабочих и крестьян. Но в рамках культурной антропологии, а не *ad hoc*-конспирологии, Зиновьев констатировал: «Чтобы превратить советское коммунистическое общество в общество западнистское, советские реформаторы должны были бы прежде всего превратить коммунистические клеточки в западнистские, то есть начинать снизу, как это соответствует природе западного общества, а не с высот власти. Но это было невозможно. Для этого нужен человеческий материал, какого в России нет и не предвидится» [6, с. 435].

Запад в свое время создал великую культуру, но она уходит в прошлое, поскольку начинается эра «das Man». Здесь Зиновьев не сильно оригинален, повторяя мотивы Г. Зиммеля [11], О. Шпенглера [8], экзистенциалистов [12], неомарксистов [13] и даже постмодернистов. Он воспроизводит мысль Шпенглера о том, что для стареющих цивилизаций характерно повышение уровня агрессивности. У Н.Я. Данилевского идет речь о том, что так называемый романо-германский тип агрессивен по природе. Зиновьев сочетает оба мотива. В процессуальной деградации, которую в свое время К. Леонтьев назвал

«вторичным смесительным упрощением» [14], и формируется так называемый западнизм. Некогда духовно значительный Запад навязывает остальным народам свой стиль жизни: не В.А. Моцарта или У. Шекспира, а штампованную эрзац-культуру, где от Шекспира остается лейбл «Ромео и Джульетта», а от Моцарта — мелодии для мобильных телефонов. Навязываются нормы поведения и социальной организации. Это и называется глобалистским (неолиберальным) вариантом глобализации. Капитализм и демократия, толкуемые западнистски, то есть как нагруженные псевдоморальным содержанием идеологические клише, выступают важнейшими ее инструментами.

Анализ капитализма у Зиновьева — отдельная тема, заслуживающая самостоятельного исследования. Она достаточно интересно проработана в работах В. Лепёхина [15; 16] и других отечественных авторов. «Идеологи и теоретики, вырывавшие в абстракции капитализм из его социальной среды», — пишет Зиновьев, — «создали иллюзию, будто капиталистическая экономика вообще есть царство анархии. Став тотальным, капитализм утратил исключительное право быть анархичным, слабоуправляемым или неуправляемым совсем. “Невидимая рука” превратилась во вполне видимую и ощутимую управляющую руку» [6, с. 114].

Зиновьев рассматривает феномен капитализма как с исторической точки зрения, так и в его современной, «тотальной» стадии. Его главное внимание сосредоточено на социальных корнях такого типа организации, при этом он оставляет за пределами своего анализа такие формирующие факторы как культура и религия. Можно сказать, что он скорее и в большей степени с К. Марксом, чем с М. Вебером, показавшим связь капитализма с определёнными религиозными установками [17]. Этот, условно говоря, «дефект» социально-философской методологии А. Зиновьева можно объяснить его довольно рано сформировавшимся атеистическим мировоззрением. Религия как таковая, её институты — церковь, священство, таинства, ритуалы, общины верующих и т.д. — воспринимались им в традициях классического Просвещения: как «недоразумение» в буквальном смысле слова. Для него жизненным кредо, методологическим принципом и персональным лозунгом была знаменитая формула И. Канта: «*Sapere aude!*». Вера во всемогущество Разума, в способность человека познавать окружающий мир в его реальности априори исключала всё, что препятствовало научному познанию — будь то религия или идеология. Отсюда и его индифферентность по отношению к ведущим фигурам классической русской религиозной философии от И.В. Киреевского до С.Л. Франка.

Анализируя либеральных критиков коммунистического и фашистского тоталитаризмов, Зиновьев выдает точную формулу: «Современное западнистское общество с экономической точки зрения есть общество денежного тоталитаризма» [6, с. 436]. Этот тезис

подхвачен и развит современными критиками неолиберализма и глобализма. Но разве тоталитаризм денег не входит в сущность капитализма? Или он есть нечто большее, определенная духовная интенция, тематизация которой воплощается в культе Золотого тельца, как это показал, в частности, В. Зомбарт [18]? Как и в аналогичных случаях, духовная проблематика редуцируется Зиновьевым к социально-антропологической — причем в своем анализе демократии в её западнистском изводе (сказывается марксистская закалка) Зиновьев глубок и безжалостен: «Экономически высокая эффективность западной экономики обладает не только достоинствами, но и вопиющими дефектами. Она не избавляет от безработицы, массовой нищеты и бездомности, от тяжелых условий труда, от стресса и прочих общеизвестных язв, которые в последние десятилетия перестали вообще принимать во внимание при оценке достоинств и недостатков того или иного общественного строя» [6, с. 418]. Но Зиновьев наследует более широкой традиции, включая таких авторов, как Э. Бёрк и А. де Токвиль, премии которого он удостоился вполне заслуженно.

Еще Аристотель писал, что демократия вырождается в охлократию, а та, в свою очередь, инволюционирует в тиранию. Американская демократия, когда задумывалась и создавалась, была больше похожа на политику, которую Аристотель считал оптимальной для греческих полисов. А. де Токвиль ясно обозначил деградационный потенциал «самой демократичной из демократий планеты» еще в XIX веке [19]. Зиновьев продолжает их дело с учетом уже не только реалий империализма, проанализированных В.И. Лениным [20], но и глобализации, которую (в неолиберальной версии) порой называют лишь новым именем для американского империализма.

Согласно Зиновьеву, демократия — фасад или элемент сложного здания социальной организации Запада. Есть и другие элементы, без которых не образуется ни одно государство, особенно крупное. Такова, в частности, бюрократия. Именно бюрократия управляет учреждениями: армия, полиция, судебная система, образование, поскольку для такой работы требуются профессионалы, а не демагоги. Это практически не изменяемая (или изменяемая крайне медленно) часть государства, подобная его несущим конструкциям.

Зиновьев ссылается на имманентные законы функционирования бюрократии, уже проанализированные западными авторами, в частности, на то, что бюрократия начинает с определенного времени работать на свое собственное преумножение. Бюрократия образует константу государственности. Для Запада характерен ее неуклонный рост. «Сейчас на Западе нет такой сферы общественной жизни, в которой так или иначе не участвовало бы государство. Невозможно назвать такой дефект коммунистической государственности, которым не обладала бы западная государственность в удвоенной степени. Так что надежды

советских людей, будто реформаторы могли избавить их от этой напасти, были априори беспочвенны» [6, с. 435].

Зиновьев вводит также фактор, ныне маркируемый термином «глубинное государство» («deep state»). В. Парето, весьма скептически относившийся к демократии [21], утверждал, что любым обществом правят в конечном итоге элиты. Общество всегда имеет пирамидальную структуру, а власть пребывает в руках меньшинства, которое, однако, должно периодически обновляться («циркуляция крови») через включение в состав элит представителей контрэлит и лучших элементов неэлитарных слоев социума. В противном случае происходят революции, которые в различной мере меняют состав элит. «Славная революция» в Англии обозначила вектор интегративности классической аристократии, которая начала обуржуазиваться, и новых капиталистов. Великая Французская революция была радикальнее, но сначала Наполеон, а после Реставрация заложили опять-таки интеграллистский вектор. Самой радикальной оказалась революция большевиков. В СССР сложились новые элиты и новая бюрократия, представители которых, в конце концов, и предали советский цивилизационный проект, как об этом пророчествовали, в частности, И.А. Ильин и И.С. Шмелев.

Западные элиты, строящиеся на различного рода интересах (от родственных до финансовых и криминальных), представляют собой скрытую власть. Демократия оказывается подобием грандиозной сцены, на которой разыгрываются спектакли политиков, а народные массы выступают зрителями. «Во всякой системе управления людьми есть аспект командный и манипуляционный. Первый доминирует в коммунистической системе, второй — в западнистской. Во втором случае власть не непосредственно требует исполнения ее воли, а путем воздействия на сознание людей, в результате которого насилие сверху принимает форму добровольности снизу. Во всякой системе управления людьми есть также два аспекта иного рода, а именно публичный и скрытый. В коммунистической системе доминирует скрытый аспект, принимающий тут форму тотальной секретности. В западнистской системе, наоборот, преувеличен аспект публичной власти. Он тут нарушил всякую меру. Главным в нем стало не привлечение народа к деланию политики, а стремление политиков к «паблисити», удовлетворению тщеславия и завоеванию популярности. Политические спектакли занимают огромное место в средствах массовой информации» [6, с. 226].

Зиновьев показывает, что ни на предприятии, которое он называет «клеточкой» социального организма, ни в элитных группах нет никакой публичности, гласности, демократии. Советский человек на предприятии был несравненно более свободен, нежели средний американец или немец, а советский руководитель куда более ограничен, нежели

западный владелец или директор фирмы. Принуждение на Западе носит не прямой, как в трудовых лагерях, а финансово-опосредованный характер.

Важнейшим элементом так организованного общества выступают многочисленные спецслужбы, которые по роду деятельности связаны не только с правительствами, но и с корпорациями, преступными картелями, частными разведывательными агентствами. Советских людей, плененных образом Запада, который создали опытные идеологические косметологи и дизайнеры посредством масс-медийных образов, предупреждали о грядущем появлении «спрута» (как назывался популярный в СССР телесериал). Именно Зиновьев, как никто другой, предупреждал, что советские люди не имеют иммунитета против западной пропаганды. Кроме того, Запад — это и сеть интернациональных организаций, как теневых (различные клубы), так и вполне формализованных, вроде НАТО или Всемирного банка.

Зиновьев, исследуя феномен западнизма, в какой-то момент вводит футурологический концепт «сверхчеловеческое общество». Этот тип общественных отношений характерен для западоидов: «Западоид есть высший уровень эволюции человека. Это искусственно выведенное существо, а не результат биологической эволюции. О нём с полным правом можно сказать, что это сверхчеловек» [6, с. 355]. Наряду с понятием «сверхчеловеческое общество», А.А. Зиновьев использует также и понятие «сверхобщество». Но оно вводится для описания финальной фазы в эволюции человеческого общества как такового в рамках его логической социологии. Одновременно «сверхобщество» может толковаться и как цель, на достижение которой ориентирован Запад после того, как ему удалось разрушить коммунизм как альтернативный вариант «сверхобщества». Эта цель сформулирована именно Западом, и даже более конкретно — США. Она означает тотальную вестернизацию всего человечества. Зиновьев предупреждает: «Западнизация планеты ведёт к тому, что в мире не остаётся никаких «точек роста», из которых могло бы вырасти что-то, способное к новым формам эволюции, отличной от эволюции на базе западнизма. Запад, завоевывая мир для себя, истребляет все возможные конкурентоспособные зародыши цивилизаций иного рода. Мир превращается в бесплодную эволюционную пустыню» [6, с. 418].

Главный из недостатков зиновьевской концепции — редуцирование духовной проблематики к идеологической. Ведь можно, сохраняя методологическую верность Марксу, отдавать должное религиозному фактору. Общая картина от этого только выигрывает. Описав феномен западнизма, Зиновьев не ответил на вопрос, где духовно-культурологически заканчивается Запад. С. Хантингтон, говоря о Европе, предложил безупречный и

подтвержденный многими авторами критерий: «Запад заканчивается там, где начинается православие» [10, с. 244].

Доктрина Зиновьева обладает мощным эвристическим потенциалом, который по сей день до конца не задействован в отечественной политологии и социальной философии. Прогностический потенциал социальной философии А. Зиновьева бесспорен. Его идея о переходе человечества к «сверхобществу» вполне укладывается в общие тренды размышлений о глобализации. Здесь нет большой оригинальности. Еще Гегель писал, что в XX веке политика станет глобальной. Эту тему развивали марксисты и позитивисты. Просто Зиновьев демонстрирует некоторое своеобразие. Образ «человеиника» также восходит к «муравейнику» Достоевского. Более интересным, а главное, экзистенциально значимым, является предупреждение о том, что Западу нужна вся планета, и он не остановится на полпути.

У Зиновьева прогнозы вытекают из анализа антропологического ядра западной цивилизации. Хитрый и умный, склонный к долгосрочным стратегическим действиям хищник хочет — в соответствии со своей природой — поглощать и господствовать. Идея мирового господства вполне отчетливо сформулирована теми народами, которые (согласно Гегелю) и создали современность. Речь у Гегеля идет об англичанах, французах и немцах [22, с. 97]. У Гегеля этот мир еще пока германо-христианский, а сейчас уже англо-постхристианский. Эти народы — «исторические». Они творят историю, а остальные, включая славян, суть пассивные участники их творчества: объекты, контрагенты, материал. Идеология расового превосходства Третьего Рейха как бы заслоняет от нас расизм и империализм французов и англичан. Но после 2022 гг. для россиян туман развеивается. Наступает эра англоговорящих народов, которые составляют сердцевину в составе так называемого «золотого миллиарда».

В завершение укажем на два предвидения Зиновьева, которые пока не сбылись в полной мере. Их потенциальное «сбывание» исключает друг друга. Первое — о глобализации: «Основные черты нового периода этого процесса таковы. 1) Западные страны покоряют планету не поодиночке, а совместно. 2) Теперь они стремятся организовать все человечество так, как это соответствует их интересам. И надо признать, что Запад добился огромных успехов в этом отношении» [6, с. 439]. Фактически Зиновьев говорит о новой форме тоталитаризма: «Тут вырабатывается особая культура управления, которая со временем обещает стать самой деспотичной властью в истории человечества» [7, с. 437]. Второе — о нашей локации: «Нет гарантии, что в странах бывшего Советского Союза не возродится социальный строй, по крайней мере, близкий к коммунистическому. Эйфория по поводу краха коммунизма прошла. Люди почувствовали, что потеряли больше, чем

выгадали. В конце концов, они поймут суть западнизации и начнут сопротивляться ей» [6, с. 418].

Зиновьев, как трезвый аналитик, с одной стороны, а с другой — как мыслитель, не верующий в Провидение, достаточно пессимистично смотрит на будущее: «Пока еще рано делать категорические выводы относительно перспектив глобального общества, его структуры и роли Запада в нем. Но мне наиболее вероятным представляется это общество как западнистское по своей социальной сущности» [6, с. 439]. Однако допустим, что, живи он в современной России, его взгляды претерпели бы корректировку.

Литература

1. Зиновьев, А.А. (2023), *Коммунизм как реальность*, М.: Канон+. 512 с.
2. Поляков, Л.В. (2022), Николай Данилевский и Карл Маркс: неоконченный спор // в кн.: *Запад — Восток: Н.Я. Данилевский и сохранение культурной идентичности России (к 200-летию со дня рождения Н.Я. Данилевского)*. Сборник докладов и тезисов международной научно-практической конференции 6-7 октября 2022 г. Орел: Издательство Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС.
3. Киплинг, Р. (2023), *Бремя белого человека*, М.: Азбука. 384 с.
4. Черчилль, У. (2012), *История англоязычных народов*, в 4 тт., М.: Гонзо. 1824 с.
5. Кант, И. (1994), *Критика чистого разума*, М.: Мысль. 591 с.
6. Зиновьев, А.А. (2000), *Запад*, М.: Центрполиграф. 512 с.
7. Данилевский, Н.Я. (1991), *Россия и Европа*, М.: Книга. 577 с.
8. Шпенглер, О. (1993), *Закат Европы*, М.: Мысль. 670 с.
9. Тойнби, А. (2009), *Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций*, М.: АСТ. 670 с.
10. Хантингтон, С. (2003), *Столкновение цивилизаций*, М.: АСТ. 603 с.
11. Зиммель, Г. (1996), *Кризис культуры* в: Зиммель, Г. *Избранное. Том 1. Философия культуры*, М.: Юрист, с. 489-494.
12. Ортега-и-Гассет, Х. (2002), *Восстание масс*, М.: АСТ. 509 с.
13. Маркузе, Г. (1994), *Одномерный человек*, М.: REFL-book. 368 с.
14. Леонтьев, К.Н. Византизм и славянство в: Леонтьев, К.Н. *Полное собрание сочинений и писем* в 12 т., Т. 7., Кн. 1: Публицистика 1862-1879 годов, СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 300-443.
15. Лепёхин, В.А. (2024), *Солидарная экономика, как новый способ производства*, М.: Концептуал. 336 с.

16. Лепёхин, В.А., Солодухин, Ю.Н. (2022), *Логика и методология Александра Зиновьева*, М.: Канон+. 256 с.
17. Вебер, М. (2017), *Избранное. Протестантская этика и дух капитализма* (4-е изд), М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 656 с.
18. Зомбарт, В. (2005), *Евреи и хозяйственная жизнь*, СПб.: Вл. Даль. 656 с.
19. Токвиль, А. де. (1992), *Демократия в Америке*, М.: Прогресс. 554 с.
20. Ленин, В.И. (1969), Империализм, как высшая стадия капитализма в: Ленин, В.И. *Полное собрание сочинений* в 55 т., 5-е изд., т. 27, М.: Гос. изд-во полит. лит. С. 299-426.
21. Парето, В. (2011), *Трансформация демократии*, М: Территория будущего. 208 с.
22. Гегель, Г.В.Ф. (1935), *Философия истории*, М.: Соцэкгиз. 468 с.

References

1. Zinov'ev, A.A. (2023), *Communism as Reality*, М.: Kanon+. 512 p. (In Russian)
2. Poliakov, L.V. (2022), Nikolay Danilevsky and Karl Marx: an unfinished dispute in: *Zapad — Vostok: N.Ia. Danilevskii i sokhranenie kul'turnoi identichnosti Rossii (k 200-letiiu so dnia rozhdeniia N.Ia. Danilevskogo)*. Sbornik dokladov i tezisov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 6-7 oktiabria 2022 g. Orel: Izdatel'stvo Srednerusskogo instituta upravleniia — filiala RANKhiGS. (In Russian)
3. Kipling, J.R. (2023), *The White Man's Burden*, Moscow: Azbuka. 384 p. (In Russian)
4. Churchill, W. (2012), *A History of the English-Speaking Peoples*, 4 vol., Moscow: Gonzo. 1824 p. (In Russian)
5. Kant, I. (1994), *Critique of Pure Reason*, Moscow: Mysl'. 591 p. (In Russian)
6. Zinov'ev, A.A. (2000), *West*, Moscow: Tsentrpoligraf. 512 p. (In Russian)
7. Danilevskii, N.Ia. (1991), *Russia and Europe*, Moscow: Kniga. 577 p. (In Russian)
8. Spengler O.A. (1993), *The Decline of the West*, Moscow: Mysl'. 670 p. (In Russian)
9. Toynbee, A.J. (2009), *A Study of History*, Moscow: AST. 670 p. (In Russian)
10. Huntington, S.P (2003), *The Clash of Civilizations*, Moscow: AST. 603 p. (In Russian)
11. Simmel G. (1996), Crisis of Culture in: Simmel G. *Izbrannoe*. Vol 1. Philosophy of Culture, Moscow: Iurist, p. 489-494. (In Russian)
12. Ortega y Gasset, J. (2002), *The Revolt of the Masses*, Moscow: AST. 509 p. (In Russian)
13. Marcuse, H. (1994), *One-Dimensional Man*, Moscow: REFL-book. 368 p. (In Russian)

14. Leont'ev, K.N. Byzantium and Slavism in: Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*, Vol. 7., Book 1: Publitsistika 1862-1879 godov, Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2005. Pp. 300-443. (In Russian)
15. Lepekhin, V.A. (2024), *Solidarity economy as a new mode of production*, Moscow: Kontseptual. 336 p. (In Russian)
16. Lepekhin, V.A., Solodukhin, Iu. N. (2022), *Logic and Methodology of Alexander Zinoviev*, Moscow: Kanon+. 256 p. (In Russian)
17. Weber, M. (2017), *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism* (4th issue), Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 656 p. (In Russian)
18. Sombart, W. (2005), *Jews and Economy*, Saint Petersburg: Vladimir Dal'. 656 p. (In Russian)
19. Tocqueville A.C. (1992), *Democracy in America*, Moscow: Progress. 554 p. (In Russian)
20. Lenin, V.I. (1969), Imperialism as the highest stage of capitalism in: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* in 55 vol., issue 5, vol. 27, Moscow: Gos. izd-vo polit. lit. Pp. 299-426. (In Russian)
21. Pareto, W. (2011), *The Transformation of Democracy*, Moscow: Territoria budushchego. 208 p. (In Russian)
22. Hegel G.W.F. (1935), *Philosophy of history*, Moscow: Sotsekgiz. 468 p. (In Russian)